

ПИСЬМО ОРКЕСТРАНТА КОРОЛЕВСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ ТОВАРИЩАМ ПО ОРКЕСТРУ

Наконец-то, дорогие мои товарищи, мы одержали победу: буффов спровадили, и мы снова будем блистать исполнением симфоний Люлли. Теперь в Опере нам уже не будет так жарко и не придется выбиваться из сил за игрой. Согласитесь, господа, что исполнять эту мерзкую музыку с ее неумолимым ритмом, который ни секунды не дожидается, пока мы за ним поспеем, — ремесло весьма тягостное. Я, например, как почувствую, бывало, что за моей игрой следит один из этих проклятых завсегдатаев «угла королевы» * в то время, как остатки ложного стыда заставляют меня играть приблизительно то, что обозначено в моей партии, так сразу ужасно смущаюсь и, сыграв одну-две строки, сбиваюсь с такта и притворяюсь, будто считаю паузы, или отделываюсь тем, что выхожу помочь.

Трудно поверить, сколько вреда принесла нам эта музыка с ее бешеным темпом и до какой степени утвердилась за нами репутация невежд, которую имели дерзость создать нам так называемые знатоки. За свои сорок су любой сопливый мальчишка считал себя вправе ворчать, когда мы фальшивили, а это нередко мешало вниманию зрителей. У некоторых людей, — их, если не ошибаюсь, величают философами, — хватало даже наглости без всякого почтения к Королевской Музыкальной Академии * критиковать нашего брата. И вот пришлось дожить до того дня, когда, бесстыдно нарушая наши древние и почтенные привилегии, собирались заставить нас, королевских слуг, учиться музыке и правильной игре на инструментах, за которую нам платят денежки.

Увы, где счастливые времена нашей славы? Куда умчались те блаженные дни, когда старички из казначейства и почтенные буржуа с улицы Сен-Дени единодушно признавали нас первым оркестром в Европе; когда публика приходила в восторг, слушая достославную увертюру к «Изиде» *, прекрасную бурю в «Альционе» * или «ложистиль» в «Роланде» *, и когда звук первого удара наших смычков * вздымался до небес вместе с криками одобрения партера? А нынче всякий нагло вмешивается в наши дела, проверяя нашу игру, а так как мы играем не очень верно и отнюдь не слишком согласно, то нас бесцеремонно обзывают «шарманщиками» и, наверняка, с удовольствием выставили бы из зала, кабы сторожа, которые, как и мы, находятся на службе у короля, а значит — являются людьми порядочными и благонадежными, не поддерживали бы хоть немного порядок. Но, дорогие мои товарищи, неужто я, возбуждая ваш справедливый гнев, должен напоминать о былом величии и тех оскорблениях, из-за которых мы его лишились? Они все живы в вашей памяти, эти жестокие обиды, и своим рвением уничтожить их ненавистную причину вы показали, сколь мало расположены к терпению. Да, господа, во всем повинна эта опасная чужеземная музыка; без иных средств, одними только своими чарами, в стране, где все было против нее, она едва не погубила нашу музыку, такую удобную для исполнения. Это она лишает нас чести, и против нее мы должны стоять как один до последнего вздоха.

Помнится, при первых же успехах «*Serva Padrona*» мы почувляли опасность и тайно сговорились искать способы изуродовать насколько возможно эту магическую музыку. Тогда один из нас, которого я затем изблжил как лицемера ¹, осмелился заметить как бы в шутку, что незачем столько рассуждать, а надо попросту стараться играть эту музыку как можно лучше. Сами посудите, что бы произошло, если бы мы покорно последовали его совету. Ведь как мы ни стараемся — со свойствен-

¹ Несколько дней назад, по нашему обыкновению дурачась с ним в Опере, я обнаружил в его кармане бумажку с такой возмутительной эпиграммой:

«О Перголезе благородный,
Когда безжалостно оркестр наш негодный
Твою мелодию калечит в дикий стон,
То мнится, вопреки молве народной,
Под дланью Марсия стенает Аполлон».

В оркестре найдутся еще два-три подобных субъекта, которые, осмеливаясь порицать наши интриги, во всеуслышанье одобряют итальянскую музыку и, не считаясь с корпорацией, желают выполнять свой долг и быть порядочными людьми. Но мы уверены, что наши преследования скоро заставят их убраться; мы признаем только таких товарищей, которые вместе с нами борются за общее дело.

ными нам незаурядными способностями в этом отношении — предоставить самим произведениям говорить за себя, нам все же с трудом удастся помешать публике почувствовать красоты итальянской музыки, отданной на милость нашим смычкам. Итак, мы заживо раздирали и эту музыку, и уши слушателей с беспримерной отвагой, способной внушить отвращение к итальянской музыке даже самым ярым буффонистам. Конечно, затея была рискованной и в любой другой стране половину нашей банды двадцать раз посадили бы в кутузку, но мы-то знаем наши права и пользуемся ими; мы знаем, что если публика будет жаловаться, то в кутузку посадят ее, а не нас.

Мало того, в помощь невежеству и недоброжелательству мы применили интриги; мы не упускали случая столь же дурно отзываться об итальянских актерах, сколь дурно мы обращались с их музыкой, и слухи об устроенной им здесь встрече возымели прекрасное действие, отбив охоту приезжать в Париж и подвергаться там оскорблениям у всех молодцов, которых Бамбини * старался привлечь. Объединенные могучим общим интересом и желанием отомстить за поруганную славу нашего смычка, мы без труда разбили наголову этих жалких иностранцев. Ведь они не были посвящены в тайны нашего сговора и у них не было иных покровителей, кроме своего таланта, иных приверженцев, кроме тонкого и беспристрастного слуха, иных козней, кроме наслаждения, которые они стремились доставить слушателям. Простофилям итальянцам и не мерещилось, что само это наслаждение усугубляло их вину и близило час расплаты. И наконец вот она нависла над их головой, а они и не подозревают об этом. Дабы они лучше ее почувствовали, их вышлют, ко всеобщему нашему удовольствию, внезапно, без предупреждения и платы, не дав времени подыскать какое-либо убежище, где бы им позволяли безнаказанно нравиться публике.

Мы надеемся также, что, к вящему утешению истинных граждан и особенно людей со вкусом, посещающих наш театр, актеры Французской Комедии, всеми покинутые и оскорбляемые, также будут вынуждены вскоре закрыть свой театр. Это доставит нам тем большую радость. что «угол королевы» состоит из самых ярых их поклонников, достойных почитателей фарсов Корнеля, Расина и Вольтера, а также итальянских интермедий. Тогда невежественные иностранцы, которые все поголовно жаждут смотреть французскую комедию и итальянскую оперу, найдут в Париже только итальянскую комедию и французскую оперу — драгоценные памятники национального вкуса — и перестанут устремляться сюда с таким рвением. А это выгодно стране, ибо жизнь станет дешевле и легче будет найти квартиру.

Все, что мы сделали, это, разумеется, немало, но еще далеко недостаточно. Я пронюхал об одном деле и хочу всех вас предупредить, чтобы условиться, как нам здесь вести себя. А именно — г-н Бамбини, окрыленный успехами «Цыганки», готовит новую интермедию, которая, возможно, будет поставлена еще до его отъезда. Ума не приложу, откуда выкапывает он столько интермедий — ведь мы уверяли публику, что во всей Италии их не наберется и трех-четыре штук. Я, признаться, втайне думаю, что эти проклятые интермедии сыплют им готовенькими ангелы с неба, чтобы как можно больше нам досадить.

Итак, господа, нам теперь необходимо объединиться и помешать этой интермедии появиться на подмостках или по крайней мере устроить ей позорный провал, особенно если она хороша. Пусть буффоны убираются восвояси, сопровождаемые всеобщей ненавистью, и пусть весь Париж узнает на этом примере нашу мощь и научится уважать наши решения. С этой целью я под личиной друга ловко вкрался в доверие к г-ну Бамбини. Добряк ничего и не заподозрил (ведь у него не хватает ума на то, чтобы разгадать наши каверзы) и без утайки показал мне свою интермедию. Называется она «Англичанка-птицелов» *, причем автор музыки — некий Иомелли. Вам, наверно, известно, что он — один из этих невежд итальянцев, которые ни черта не знают и все же как-то ухитряются сочинять восхитительную музыку — даже нам иногда бывает нелегко ее изуродовать. Чтобы обдумать на досуге средства борьбы, я вначале изучил партитуру со всей возможной для меня тщательностью. К сожалению, я не более других наших музыкантов искушен в чтении партитур, но все же разглядел достаточно, чтобы сообразить, насколько эта музыка как бы нарочно создана для наших планов: она очень отрывиста, разнообразна, полна небольших пауз и коротеньких реплик различных инструментов, которые вступают поочередно — одним словом, здесь требуется чрезвычайная точность исполнения. Посудите же, как легко перепутать все это без малейшего усилия и к тому же самым естественным образом: даже не сговариваясь, мы здесь устроим дьявольский кавардак, — то-то будет потеха! Но вот проект плана, составленный совместно с нашими славными главарями *, между прочим с г-ном л'Аббе и г-ном Караффом, кои неоднократно оказывали столько услуг нашей партии и причинили столько вреда хорошей музыке.

I. На этот раз нам не следует придерживаться обычной тактики, с успехом примененной в других случаях. Прежде чем начать бранить эту интермедию, надо ознакомиться с ней на репетициях. Если музыка окажется посредственной, мы будем отзываться о ней с восторгом, станем в один голос превозносить

ее до небес, чтобы публика ждала какого-то чуда и тем больше разочаровалась на первом же представлении. Если же, на беду, музыка окажется хорошей — а этого, увы, весьма даже можно опасаться, — мы станем отзываться о ней с презрением, с подчеркнутым пренебрежением, как о самой негодной вещи, когда-либо созданной. Наш приговор покорит глупцов, которые отказываются от своего мнения лишь тогда, когда они правы, а значит — большинство будет за нас.

II. На репетициях надо играть как можно лучше, иначе наших дирижеров обвинят в том, что они мало репетировали. Но и эти репетиции не будут для нас потерянным временем; мы на них договоримся, как нам играть не в лад на представлениях пьесы.

III. Настройку инструментов производить как положено, по первой скрипке, тем паче что этот скрипач глух.

IV. Скрипкам разделиться на три группы, из коих первой играть на четверть тона выше, чем надо, второй — на четверть тона ниже, а третьей — как можно вернее в тон. Устроить эту какофонию не составит труда — просто надо потихоньку подтянуть или опустить струны во время исполнения. Что до гобоев, то им и говорить нечего — они сами управятся наилучшим mannerом.

V. В отношении ритма надо поступать примерно так же, как и с тональностью: одна треть будет играть правильно, другая — забегать вперед, а третья — отставать. При каждом вступлении скрипкам следует особенно остерегаться играть вместе; но вступая по очереди, они будут украшать свои партии мелкими фигурами, создавая имитации, а это, несомненно, произведет немалый эффект. Что до виолончелей, то им предлагается следовать поучительному примеру одного их собрата, который с законной гордостью похваляется, что ни в одной итальянской интермедии он не аккомпанировал в тон, а всегда играл в мажоре вместо минора и в миноре вместо мажора.

VI. Очень важно играть потише все *forte* и погромче все *piano*, особенно аккомпанируя пению. А уж когда запоет Тонелли *, дерите изо всей мочи, потому что заглушить ее пение — наша первейшая задача.

VII. Не следует забывать и о таком приеме: вторым скрипкам играть как можно громче, а первым — потише. Тогда все время будет слышна только мелодия вторых. Надо также уговорить Дюрана не утруждать себя перепиской партии альтов там, где они играют в октаву с басами — тогда из-за отсутствия связи между басами и верхами гармония будет звучать суше.

VIII. Нашим юнцам рекомендуется не упускать случая сыграть на октаву ниже или выше, поскрести смычком по подставке для струн, варьировать свою партию там, где они не

смогут сыграть просто — в общем, искусно скрывать свое невежество, перевирая всю музыку, и показать, что они стоят выше законов, обязательных для всех оркестров мира.

IX. Но весь этот кавардак может в конце концов вывести публику из себя. Тогда, как только мы заметим, что за нами слишком пристально наблюдают, придется изменить методу, дабы нас не освистали. Три-четыре скрипки будут продолжать играть по своему усмотрению, а все прочие примутся за настройку инструментов во время исполнения арий и постараются пилить изо всех сил по пустым струнам, учиня адский шум как раз там, где следует играть потише. Таким образом, мы испакостим наипрекраснейшую музыку и никто нас не сможет ни в чем упрекнуть — ведь без настройки инструментов не обойтись! А если нам попробуют сделать замечание — вот и чудесный повод играть так фальшиво, как нам заблагорассудится. Итак, позволят ли нам настраивать скрипки, или помещают, мы всегда найдем способ играть кто в лес, кто по дрова.

X. Мы все будем вопить о кощунстве и профанации, громко жалуясь, что обитель богов осквернена фиглярами, и доказывать, что наши певцы — не фигляры, как те другие, ведь они только поют и жестикулируют, но не играют. Вот, например, малютка Тонелли, исполняя свою роль с умом и неподобающей грацией, пользуется и руками, тогда как м-ль Шевалье * пускает руки в ход, только помогая усилиям своих легких — а это гораздо более пристойно. Кроме того, скажем мы, лишь талант нарушает правила, а наши актеры никогда их не нарушают. Мы покажем также, что итальянская музыка бесчестит наш театр, потому что Королевскую Музыкальную Академию следует почитать ради одной пышности ее титула и ради ее привилегий. Она не нуждается в хорошей музыке, это ниже ее достоинства.

XI. Но важнее всего — держать наши переговоры в секрете: столь великие цели не должно выставлять напоказ грубой черни, которая в своем безумии воображает, будто нам платят, чтобы мы ей угождали. Наглость зрителей так велика, что если это письмо, упаси бог, станет известно из-за того, что кто-нибудь из нас проболтается, публика сочтет себя вправе приглядеться поближе к нашему поведению, а это для нас не очень-то удобно. Хоть мы и стоим выше публики, подвергаться ее нападкам — удовольствие сомнительное.

Итак, господа, вот предварительные пункты, по которым, полагаю, следует заранее договориться. Что до частных, кои предстоит еще уточнить, то пока мы отложим их обсуждение, ибо тут нам придется действовать в зависимости от того, как будет принята интермедия. Все мы, за немногими исключениями, вели себя до сих пор настолько в духе общих интересов,

что вряд ли можно опасаться какого-либо предательства в момент торжества нашего дела. Надеемся, что если нас станут упрекать в отсутствии таланта, то уж во всяком случае — не таланта интриговать.

Тогда, изгнав с позором всю эту итальянскую свору, мы образуем грозное судилище, и в скором времени успех или по крайней мере провал пьес будет зависеть всецело от нас. Авторы, охваченные законным страхом, явятся к нам, трепеща, дабы воздать почести смычку, иже властен казнить их или миловать, и вместо банды жалких скрипачей, за которых нас теперь принимают, мы в один прекрасный день предстанем в качестве верховных судей французской оперы и полновластных вершителей судеб чаконны и ригодона *.

Имею честь, дорогие мои товарищи, пребывать с величайшим почтением и т. д.